

Эволюция российско-турецких отношений: идейное сближение и прагматическое сотрудничество¹

Б. Айар, О. Арслан

Айар Башаран – кандидат политических наук, преподаватель международных отношений Университета Анкары; 56/A, Cemal Gürsel Cd., 06590 Ankara, Türkiye; basaran.ayar@ankara.edu.tr

Арслан Оркун – Центр средиземноморских исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; orkunars@gmail.com

Аннотация

Отношения Москвы и Анкары демонстрируют беспрецедентный уровень партнерства на фоне сохранения множества противоречий между сторонами. Им удалось продолжить сотрудничество и не позволить возникающим разногласиям вызвать кризисы, подобные случившемуся после инцидента с самолетом Су-24 в 2015 г.

В данном исследовании рассматриваются российско-турецкие отношения с 2016 г. Показано, как возникло это партнерство и как два игрока действуют в его рамках. Проанализировав литературу, в которой подчеркивается ограниченность и хрупкость сотрудничества, авторы рассматривают идейную конвергенцию, которая позволила добиться «выравнивания» позиций России и Турции, и приходят к выводу, что она послужила основой нынешних прагматических и персоналистических отношений между странами.

Кроме того, выделяются четыре основные характеристики такого «выравнивания»: 1) неприятие риска как приоритет; 2) опора на персональные отношения между лидерами; 3) сосредоточение на решении проблем между собой, без привлечения нерегиональных акторов; 4) экономический прагматизм. Затем обсуждаются риски, которые потенциально могут вызвать кризис этого партнерства, и выявляются угрозы, связанные с накоплением неразрешенных противоречий и политической неопределенностью в двусторонних отношениях. Авторы утверждают, что в нынешних условиях партнерство двух стран можно охарактеризовать как хрупкое и, по всей видимости, в обозримом будущем ему предстоит пройти испытание новыми вызовами.

Ключевые слова: российско-турецкие отношения, евразийская политика, многополярность, идеи в международных отношениях, прагматическое сотрудничество

Для цитирования: Айар Б., Арслан О. Эволюция российско-турецких отношений: идейное сближение и прагматическое сотрудничество // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 3. С. 120–141 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2023-03-07

¹ Статья поступила в редакцию 30.03.2023.

Перевод статьи выполнен А.В. Шелеповым, с.н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

Введение

В отношениях России и Турции серьезный кризис произошел в ноябре 2015 г., когда турецкие ВВС сбили российский самолет Су-24. Россия ввела жесткие санкции против Турции, что усугубило и без того сложную финансовую обстановку в стране. В ситуации множества внутренних и региональных разногласий Анкара вскоре выбрала альтернативный путь в дипломатии, который потребовал более тесного сотрудничества с Москвой. Отношения стали улучшаться после прямых переговоров между президентами двух стран в 2016 г. С тех пор Россия и Турция нашли точки соприкосновения по многим спорным вопросам и установили партнерство в стратегических сферах. Однако отдельные противоречия между Анкарой и Москвой сохраняются, и страны зачастую оказываются по разные стороны в региональных конфликтах. Позиции двух стран отличаются не только в отношении Сирии, но и по ситуации в Ливии, на Кавказе и в Черноморском регионе. Тем не менее эти разногласия, похоже, не препятствуют их тесному сотрудничеству. Напротив, Анкара и Москва сближаются, несмотря на расходящиеся национальные интересы.

Цель данной статьи – ответить на вопрос, как возникло партнерство между Россией и Турцией, и дать основные характеристики текущего *modus operandi*. Мы полагаем, что растущие антизападные настроения как в России, так и в Турции в сочетании со стремлением двух стран взять на себя центральную роль в многополярной глобальной системе служат катализаторами расширения сотрудничества между ними. Несмотря на противоречивые интересы в различных сферах, такое идейное сближение сыграло важную роль в установлении странами прагматичных отношений, которые в значительной степени основываются на личном общении их лидеров. Это позволило России и Турции принимать незамедлительные меры в отношении возникающих кризисов и возможностей.

Данное исследование призвано внести вклад в научную дискуссию, посвященную анализу партнерства Москвы и Анкары. После обзора существующей литературы через призму конструктивизма объясняется траектория сотрудничества с 2000-х годов, что позволяет выявить идеологические факторы, которые сближают Россию и Турцию. Далее раскрываются возможности сотрудничества, которые подталкивают две страны к совместной работе. Затем обсуждаются основные характеристики этого сотрудничества для понимания общей картины российско-турецких отношений с 2016 г. В заключение предлагается описание рисков, которые могут ограничить партнерство в краткосрочной перспективе, и указываются основные уязвимые зоны в отношениях России и Турции.

Определение контекста: обзор литературы и теоретическая основа

Отношения между Турцией и Россией с 1991 г. представляли собой сложное взаимодействие, которое включало сотрудничество на высоком уровне (например, по газопроводу «Голубой поток») одновременно с региональной конкуренцией. После периода соперничества, последовавшего за распадом Советского Союза, два актора изменили подходы и установили новое стратегическое партнерство, сосредоточившись на положительных аспектах своих отношений [Rüma, Çelikpala, 2019]. Эта положительная тенденция была поддержана впечатляющим экономическим ростом Турции и России в 2000-е годы, который стимулировал двустороннюю торговлю и инвестиции. Ком-

ментировав развитие партнерства до того, как на него негативно повлияла ситуация со сбитым российским самолетом, Ониш и Йылмаз утверждают, что «асимметричная взаимозависимость» возникла в результате масштабного партнерства Москвы и Анкары, «движимого общими экономическими интересами», в котором Россия имела выгодную позицию из-за энергетической зависимости Турции [Öniş, Yılmaz, 2015, p. 4]. Актюрк, напротив, утверждает, что относительно уменьшающееся влияние Москвы на Анкару стало основной движущей силой углубления сотрудничества между странами [Aktürk, 2007].

Независимо от того, занимала ли Анкара или Москва более выгодную позицию в отношениях, обе страны пользовались их положительным влиянием и сумели не допустить, чтобы противоречия, например, по ситуации в Грузии в 2008 г. или на Украине в 2014 г., препятствовали их сотрудничеству. Тем не менее в ноябре 2015 г. кризис быстро обострился, когда ВВС Турции сбили российский самолет. Этот инцидент, приведший к резкому разрыву экономических связей, показал, насколько хрупким было сотрудничество [Çelîkpala, 2015]. Однако в течение года две страны смогли наладить ухудшившиеся отношения. Стратегическое сотрудничество во многих областях, в том числе по газопроводу «Турецкий поток», быстро возобновилось [Erşen, Çelîkpala, 2019, p. 588]. С тех пор стороны координируют свою политику в сфере безопасности, чтобы избежать подобных кризисов [Mamedov, Lukyanov, 2018]. За восемь лет, прошедшие после инцидента с Су-24, Россия и Турция добились расширения партнерства в военной (закупка ЗРК С-400), энергетической (проекты «Турецкий поток» и «Аккую») и дипломатической (Астанинский мирный процесс и Черноморская зерновая инициатива) сфере. Тем не менее страны неоднократно оказывались на грани нового кризиса. Этот контраст между сотрудничеством на высоком уровне и геополитическими разногласиями – центральная проблема современной литературы, посвященной российско-турецким отношениям.

Представляется, что эксперты пришли к единому мнению относительно недолговечности существующего партнерства. Они сомневаются, что оно станет более крепким и долгосрочным, несмотря на сотрудничество на высоком уровне по многим вопросам. Дидич и Кожебалабан описывают изменение политики Турции в отношении России как «стратегическое движение вперед» [Didic, Kösebalaban, 2019]. Следуя неореалистической концепции, авторы объясняют изменение подхода Анкары структурными факторами и утверждают, что нынешняя позиция не является устойчивой для Турции из-за ее исторического прошлого и наследия, которые определяют расхождение в интересах Анкары и Москвы. Рюма и Челикпала считают, что нынешние отношения ориентированы на процесс [Rüma, Çelîkpala, 2019, p. 84]. Это означает, что акторы осознают ограничения и вместо того, чтобы сосредоточиться на конечном результате, пытаются достичь своих целей, «демонстрируя значимость».

Еще одна концепция, предложенная для описания положения дел в отношениях между Анкарой и Москвой, – «стратегическое выравнивание» [Köstem, 2021]. В этой концепции координация на высоком уровне по вопросам безопасности и желание завершить гражданскую войну в Сирии являются неотъемлемыми элементами «выравнивания», которое вряд ли перерастет в более прочное стратегическое партнерство. По мнению В. Аваткова, нынешняя неопределенность является следствием рискованной дипломатии Турции, заключающейся в лавировании между великими державами без четкого определения своих внешнеполитических приоритетов [Аватков, 2017]. Акцентируя внимание на положительных аспектах взаимодействия, Р. Мамедов и Г. Лукьянов утверждают, что Россия и Турция установили деидеологизированное «прагматическое партнерство», которое продолжается независимо от международных событий [Mamedov, Lukyanov, 2018].

Данное исследование использует подход конструктивистской школы международных отношений в качестве теоретической основы для изучения укрепления отношений между Россией и Турцией, несмотря на их противоречия во многих областях. Согласно основным постулатам конструктивизма, идейные и материальные факторы играют конститутивную роль в трансформации идентичностей акторов и их восприятия друг друга, создавая основу для более тесного и сильного партнерства, что, как показывают вышеупомянутые исследования, представляется маловероятным в современных условиях. Теория конструктивизма рассматривает сотрудничество между государствами, подчеркивая, что идеи и интересы выполняют преобразующую функцию, и государства могут менять свои интересы, следуя общим социальным нормам [Wendt, 1992, p. 417]. Следовательно, социальная структура должна быть исходной точкой при анализе отношений [Finnemore, 1996, p. 333]. Несмотря на все структурные ограничения, материальные потребности или, казалось бы, бескомпромиссные интересы, акторы могут создавать «коллективные идентичности и интересы» посредством межсубъектного взаимодействия в социальном мире [Wendt, 1994, p. 384]. Не следует рассматривать государства исключительно как «рациональных эгоистов», которые пытаются максимизировать влияние только в материальном плане. Напротив, нематериальные факторы также формируют идентичность государств, которая постоянно меняется в результате их взаимодействия с социальным миром и другими акторами [Fierke, 2013].

Международная идентичность государств — это символы индивидуальных различий, которые акторы приобретают через отношения друг с другом и с системой [Katzenstein, 1996]. Поскольку идентичности являются динамическими понятиями, внутренние или системные изменения постоянно их трансформируют [Hopf, 2002]. Фактор идентичности смягчает воздействие «беспорядка» на отдельные государства, поскольку уменьшает двусмысленность, что позволяет акторам узнать друг друга [Adler, 1997, p. 265]. Будучи «социальными акторами с идентичностью» [Wendt, 1994], государства определяют свои интересы исходя из восприятия места, которое они занимают в социальном мире, и соответственно оценивают других акторов. В следующем разделе мы покажем, что изменение международной идентичности России и Турции послужило основой первого этапа «выравнивания» между ними.

Изменение международной идентичности акторов

Самоидентификация в качестве центра силы в многополярном мировом порядке является фактором, стимулирующим идеи поиска партнерства вне западнцентричных механизмов. Как отмечают Хилл и Ташпынар, турецко-российские отношения основаны не на взаимных интересах, а на общем чувстве исключенности из таких механизмов со стороны США, что способствует формированию так называемой «оси исключенных» [Hill, Taşpınar, 2006, p. 90].

Аналогично Б. Межуев утверждает, что и Москва, и Анкара «обнаружили себя в одной и той же роли — отвергнутых маргиналов Евро-Атлантики», и «именно в этом нынешнем положении “отверженных” Турции и России легче всего выстраивать взаимные отношения, парадоксально мирные, с учетом набора конфликтов...» [Межуев, 2019, с. 62]. Автор также отмечает, что наиболее важным поворотным моментом, заложившим эту тенденцию, стало решение США о вторжении в Ирак в 2003 г.

Рюма и Челикпала также считают вторжение в Ирак отправной точкой ухудшения отношений Турции с США [Rüma, Çelikpala, 2019, p. 68]. По их мнению, корни нынешних разногласий в турецко-американских отношениях можно найти в решении

парламента Турции запретить армии США использовать свою территорию для вторжения. Антизападные настроения выступили в качестве фактора сближения, поставив Анкару в такую же идеологическую позицию, что и Москву. Как утверждают Кутлай и Ониш [Kutlay, Öniş, 2021, p. 1088], «незападные державы-единомышленники» стремятся к «стратегической автономии» в международных отношениях, чтобы сбалансировать однополярную гегемонию США. Внутривнутриполитические факторы также влияют на идентичность государств и восприятие других акторов. Например, в случае Турции стремление к стратегической автономии имеет внутреннюю функцию легитимации авторитарных тенденций посредством популистского дискурса во внешней политике.

Россия

Международная идентичность России и Турции изменилась из-за переоценки государствами международной системы и своего места в ней. В своей основополагающей статье А. Богатуров резюмирует эволюцию внешней политики России с 1991 по 2007 г., выделяя три ее этапа [Богатуров, 2007]. Короткий прозападный период, когда правящие элиты считали интересы России такими же, как интересы Европы, закончился геополитическими событиями середины 1990-х годов. За этим периодом последовала попытка сбалансировать однополярную структуру путем установления партнерских отношений с растущими державами в то время, когда пост министра иностранных дел занимал Е.М. Примаков; однако внутривнутриполитические потрясения и финансовые трудности не позволили Москве достичь этой цели в полной мере. После атак НАТО на Сербию Россия регулярно выражала несогласие с односторонними действиями и однополярной глобальной системой. Концепция внешней политики 2000 г. критикует такую систему, а в концепции 2008 г. отмечено, что односторонние действия вызывают нестабильность и раскол в мире. Россия последовательно заявляла о своей поддержке многополярного мира и многостороннего партнерства как более эффективного способа решения глобальных проблем [Light, 2015, p. 16]. Трансформация России из «слабого государства», которое фокусировалось на вопросах внутренней безопасности, в сильное государство, рассматривающее Запад как «главного “иного” в сфере безопасности», как утверждает А. Снетков, помогло Москве проводить такую политику [Snetkov, 2012].

В своей знаменитой мюнхенской речи 2007 г. В.В. Путин выразил решительный протест против однополярного мира, заявив, что он считает эту модель неприемлемой и невозможной в текущем глобальном контексте [President of Russia, 2007]. После конфликта с Грузией в 2008 г. Д.А. Медведев повторил идеи Путина, решительно выступив против глобального порядка, в котором доминирует одна держава. Он призвал к формированию многополярного мира в речи, которая стала известна как доктрина Медведева [President of Russia, 2008]. В 2014 г. в речи о присоединении Крыма к России В.В. Путин еще раз затронул эту тему. Президент России утверждал, что нестабильность в мире является прямым результатом исчезновения биполярного мирового порядка. Кроме того, он раскритиковал западные страны за игнорирование международного права, обвинив их в том, что они «действуют так, как им заблагорассудится» [Президент России, 2014].

Естественным результатом этой тенденции во внешней политике России стал рост антизападных, а точнее антиамериканских настроений. Конструктивистские исследования подчеркивают, что «российская внешняя политика определяется взаимодействием с другими странами и зависит от отношения западных государств к России и характера упоминаний ими России» [Omelicheva, 2013]. По мнению А. Цыганкова и

П. Цыганкова, «в политических делах Россия приняла антиамериканизм и стремилась защитить себя от давления Запада в сторону демократизации» [Tsygankov, Tsygankov, 2021, p. 2]. Украинский кризис 2014 г. стал ключевым поворотным моментом, сформировавшим сегодняшнее российское представление о международной системе со многими центрами силы, в которой сотрудничество с западными державами невозможно. После 2014 г. исключение России из западного мира становилось все более заметным. В связи с этим А. Савченко и И. Зуенко показывают, что именно геополитические соображения, а не экономические мотивы являются фактической «движущей силой» «поворота Москвы на Восток» [Савченко, Зуенко, 2020].

Указанное чувство исключенности стало неотъемлемой частью восприятия Москвой многополярности. В новом тысячелетии политические события, такие как вторжение США в Ирак или глобальный экономический кризис 2007–2008 гг., укрепили идею о формировании многополярного мира и самоидентификацию России как одного из центров силы в этом новом порядке. Россия активно ищет новые партнерские отношения в Евразии, а также заявляет о необходимости отказа от гегемонии Запада и выступает против инструментальных концепций, таких как «обязанность защищать», твердо отстаивая международные принципы суверенитета и невмешательства. Для Москвы международное право – неотъемлемый инструмент для отстаивания своих интересов в мировой политике; следовательно, эрозия сложившейся международно-правовой системы может привести к потере ею конкурентных преимуществ [Байков, Истомин, 2013, с. 118].

Р. Саква концептуализирует российский подход как «неоревизионизм» и утверждает, что Москва выступает за «универсальное и последовательное применение существующих норм», не стремясь следовать альтернативной модели и создавать новые правила [Sakwa, 2019a]. Аналогично А. Макарычев и В. Морозов утверждают, что акцент Москвы на глобальной демократии является инструментом балансирования Запада [Макарычев, Морозов, 2011, p. 370]. Р. Мамедов и Г. Лукьянов отмечают, что российские эксперты пришли к выводу об окончании американской однополярности, и многополярность стала основным объектом их исследований [Mamedov, Lukyanov, 2018]. Они считают такие механизмы, как Астанинский процесс, признаком реализации данной идеи, поскольку конкретный шаг к выходу из сложившегося тупика в отношении сирийской проблемы смогли сделать именно региональные игроки, а не западные державы.

Турция

Турция прошла через процесс переоценки своей дипломатии. Политика нынешнего правительства базируется на представлении о том, что Турция является не частью Европы, а лидером собственного «цивилизационного бассейна» [Bilgin, Bilgiç, 2011]. В рамках этого идеологического сдвига Турция стремилась улучшить отношения с незападными державами, особенно в Евразии. По мнению А. Давутоглу, идеи которого доминировали в турецкой дипломатии с 2002 по 2015 г., Анкара играла второстепенную роль в отношениях с Западом во время холодной войны, что стало препятствием для полной реализации Турцией своего потенциала [Davutoğlu, 2001]. Вместо этого Турции пришлось выйти на Балканы, Ближний Восток, в Центральную Азию, на Кавказ и в Африку в качестве независимого игрока, чтобы сформировать «стратегическую глубину». В своей критике «Столкновения цивилизаций» Хантингтона Давутоглу упоминает исламский мир как одну из цивилизаций, находящихся в процессе «самореализации» (*ben idraki*) [Davutoğlu, 1997]. По его словам, османское наследие обеспечивает

этой цивилизации возможности «гибкой и сильной» самореализации. Этот подход стал концептуальной основой внешней политики Турции, будучи подкрепленным концепциями «активной дипломатии», «стратегической глубины» и «полного отсутствия проблем с соседями». Однако стратегия Анкары в отношении «арабской весны» привела к негативным последствиям и региональной изоляции (а также стоила Давутоглу поста премьер-министра).

До 2016 г. идея стратегической автономии не мешала Анкаре стремиться к более глубокой интеграции с Западом. Эрдоган резко изменил свой внешнеполитический курс к середине 2016 г. после потери Давутоглу своего поста и потепления в отношениях с Россией. Попытка государственного переворота 15 июля обострила антизападные настроения турецкой общественности, поскольку многие полагали, что заговор организовали США [Arango, Yeginsu, 2016]. Попытка переворота стала основным фактором ухудшения отношений с США, поскольку и турецкая общественность [Uluş, 2016], и СМИ [Çelik, 2016; 2022], и политики и чиновники [Hurriyet Daily News, 2016; Reuters, 2021] рассматривали США и другие западные страны в качестве вдохновителей неудавшейся попытки переворота [Cook, 2016]. Антизападные настроения в России были значительны, но они также усиливались и в Турции. Согласно опросу общественного мнения, проведенному в 2022 г., впервые в истории доля турок, считающих, что Анкаре следует больше сосредоточиться на отношениях с Россией и Китаем, превысила долю тех, кто выступает за приоритетность отношений с Западом [Sputnik Türkiye, 2022]. На региональном уровне основным фактором проблем в отношениях Турции и США стали различные подходы к сирийской проблеме. Вашингтон активно поддерживал партию «Демократический союз» оружием и ресурсами, хотя Турция считает ее частью Рабочей партии Курдистана, внесенной в списки террористических организаций как Турции, так и США [Ricciardone, Stein, 2016].

Кроме того, противоречия между странами обострили задержание американского пастора Э. Брансона в 2016 г. после неудавшейся попытки государственного переворота и санкции США против турецких чиновников, введенные в 2018 г. В 2019 г. США приостановили участие Турции в совместном проекте разработки ударного истребителя F-35 из-за получения Анкарой от России систем ПВО С-400. Уже вложив в проект более миллиарда долларов, Анкара решительно осудила этот шаг и подчеркнула свою решимость в вопросе покупки систем С-400. Президент Эрдоган заявил, что Турция не намерена спрашивать у Америки разрешения [Al Jazeera, 2020]. История продолжилась, когда США исключили Турцию из проекта создания F-35 в 2021 г., сославшись на постановление на вооружение систем ПВО С-400 как на угрозу обороноспособности НАТО. Заявка Анкары на покупку F-16 все еще активна, а возврат турецких инвестиций в проект продолжается.

Несмотря на десятилетия тесного сотрудничества с ЕС, а также статус кандидата на членство в Союзе, отношения Турции с Европой превратились в прагматичное взаимодействие «услуга за услугу», характеризующееся недоверием. Еще в марте 2016 г. в известную «миграционную сделку» с ЕС были включены пункты об активизации процесса вступления Турции в ЕС и введении безвизового режима для турецких граждан в Шенгенской зоне [European Council, 2016]. Однако в мае президент Эрдоган резко раскритиковал эту сделку, объявив ее попыткой ЕС вмешаться во внутреннюю политику Турции и поставить премьер-министра Давутоглу в сложную позицию [Gürsel, 2016]. Противоречия с Грецией в Средиземноморском регионе еще больше усугубили ситуацию. Турецкие политики начали рассматривать Брюссель скорее как защитника Афин, а не как традиционного посредника. Таким образом, стремление к более тесно-

му сотрудничеству с Москвой вытекает из представлений Турции о фундаментальных изменениях влияния в международной политике и является ответом на ухудшение отношений с традиционными союзниками, которое необходимо сбалансировать [Erşen, Köstem, 2020].

Идейное сближение и расширение сотрудничества России и Турции

Формирующаяся структура многополярного мира в восприятии Москвы включает Турцию как одну из региональных держав [Шаклеина, 2022, с. 36]. Заявление С.В. Лаврова в ответ на критику президента Турции в адрес структуры ООН о том, что «Совет Безопасности ООН остро нуждается в реформах, чтобы лучше отражать многополярные глобальные реалии», четко подтверждает эту позицию [Teslova, 2018]. Поэтому, анализируя сотрудничество между Москвой и Анкарой исключительно на основе краткосрочных воздействий и последствий предпринимаемых действий, мы упускаем из виду суть: механизмы, дискурс и способы взаимодействия способствуют идее формирования многополярного порядка без гегемонии западных игроков, прежде всего США. Независимо от того, насколько эффективны двусторонние переговоры по Сирии или астанинский треугольник с Тегераном, акторы создают новую модель дипломатии, в которой региональные державы решают судьбу регионов внутри этих же регионов. Таким образом, «выравнивание» Москвы и Анкары также резонирует с угасанием гегемонии США [Köstem, 2021, р. 18]. Однако подобная новая диспозиция не обязательно означает возникновение стратегического партнерства. Напротив, до 2016 г. две страны находились в состоянии жесткой конкуренции, что выражалось в их позициях в отношении гражданской войны в Сирии. В результате турецкими ВВС был сбит российский самолет Су-24. Постепенное сближение на идейном уровне послужило основой дальнейшего развития двусторонних отношений.

«Выравнивание» между Россией и Турцией произошло на основе вышеупомянутого сближения идей, обусловленного ощущением исключенности из западного мира. Тем не менее в начале этого процесса, в 2015 г., страны столкнулись с кризисом, который вызвал значительные трудности в двустороннем взаимодействии, введение санкций, рост негативного дискурса и резкое понижение уровня дипломатических отношений. «Потепление» 2016 г. следует интерпретировать в контексте множества международных и внутренних вызовов в турецкой политике, которые привели к формированию существующего дипломатического курса Анкары. В этот критический момент вместо того, чтобы затягивать конфликт с Россией и объединяться с Западом, Анкара предпочла наладить отношения с Москвой и двигаться по пути независимой внешней политики. Помимо экономических трудностей, вызванных инцидентом со сбитым самолетом, Турция столкнулась с геополитическими проблемами в отношениях с Россией, особенно по сирийскому вопросу. Хотя российская политика также расходилась с турецкой, прямая поддержка партии «Демократический союз» со стороны США сделала сотрудничество с Россией более приемлемым выбором для Анкары [Kudryashova, 2021].

Подводя итог, отметим, что переоценка внешней политики России и Турции основывалась на растущих антизападных настроениях и необходимости преодоления затянувшихся проблем, требующих немедленного решения, особенно в отношении Сирии. Ухудшение отношений с Западом подтолкнуло Москву и Анкару друг к другу. С другой стороны, возможности сотрудничества в различных областях обусловили развитие отношений двух стран на фоне сохранения многочисленных геополитических проблем, в том числе тех, взгляды на которые у них различались.

От сближения идей к прагматическому партнерству

После инцидента со сбитым самолетом и последующего кризиса в 2015 г. две страны активизировали усилия по налаживанию сотрудничества не только за счет продолжения реализации существующих проектов, таких как АЭС «Аккую» и «Турецкий поток», но и за счет сотрудничества в новых сферах (сделка по С-400) и в отношении новых регионов (Сирии, Кавказа и Украины). В этом разделе мы рассмотрим, как Москва и Анкара использовали вышеупомянутое идейное сближение в этом процессе и каковы основные характеристики существующего формата их взаимодействия, который наблюдается с 2016 г. «Выравнивание» было в первую очередь мотивировано растущим недовольством Западом и верой в собственный статус региональных держав в многополярном мире. Актуальные проблемы, которые требовали двусторонних усилий, и экономические возможности, выгодные обеим странам, выступили в качестве факторов притяжения, которые усилили процесс, приведший к формированию существующего партнерства. Мы полагаем, что это партнерство характеризуется следующими ключевыми чертами: 1) приоритет неприятия риска; 2) акцент на личных отношениях между лидерами вместо институционализации; 3) недопущение внешних сил в регион; 4) экономический прагматизм.

Поскольку отправной точкой текущего сотрудничества стал процесс оживления двусторонних отношений после инцидента с Су-24, неудивительно, что его основной характеристикой является настойчивое стремление двух стран предотвратить риски. Россия и Турция сосредоточены на мерах по деэскалации возникающих кризисов и поиске соответствующих приемлемых краткосрочных формул. Тем самым они пытаются отсрочить последствия конфликта интересов, если немедленное решение не представляется возможным. Убийство российского посла А.Г. Карлова в Анкаре в декабре 2016 г., начало совместного турецко-российского военного патрулирования на севере Сирии в декабре 2019 г. и обстрел турецких военных в сирийском Идлибе в феврале 2020 г. — наиболее яркие примеры этого нового способа взаимодействия, который предотвратил дальнейшую эскалацию, но не обеспечил комплексного решения, удовлетворяющего обе стороны.

Опыт этих инцидентов побудил Москву и Анкару расширить сотрудничество и по другим региональным проблемам. После военных столкновений между Азербайджаном и Арменией в 2020 г. в Агдаме (Азербайджан) был создан российско-турецкий военный наблюдательный пункт. Более того, по инициативе Анкары российская делегация встретилась с украинскими коллегами в Турции для урегулирования конфликта, начавшегося в феврале 2022 г. Хотя переговоры оказались безрезультатными, Анкара настаивала на предоставлении платформы для координации, в результате действия которой была заключена сделка, предотвратившая глобальный дефицит зерна. Этот канал связи также способствовал нескольким обменам пленными между Украиной и Россией.

Если мы углубимся в логику этого взаимодействия, закономерности станут более очевидными. Во-первых, ни один из примеров не сопровождался окончательным решением проблемы: турецкие войска все еще размещены в Идлибе, недовольство Турции существованием «Демократического союза» на севере Сирии никуда не исчезло, Азербайджан и Армения все еще находятся на грани войны, Анкара не собирается менять свою позицию относительно принадлежности Крыма и территориальной целостности Украины. Однако то, что мы определили как первую ключевую характеристику российско-турецкого сотрудничества, позволило сторонам найти временные средства,

которые смягчили проблемы и предотвратили более негативные исходы за счет сохранения координации.

Второй характеристикой сотрудничества после 2016 г. является ориентация на персональные отношения между президентами, а не на институты. Прямые переговоры между президентами В.В. Путиным и Р. Эрдоганом представляются основным механизмом, обеспечивающим сотрудничество между Москвой и Анкарой. Коммуникация между лидерами оказывает большее влияние, чем любой другой институциональный канал [Erşen, Köstem, 2020, p. 240]. Очевидным подтверждением этого феномена является то, что, несмотря на создание нескольких механизмов для урегулирования конфликта в Сирии, стороны смогли обеспечить деэскаляцию в Идлибе только после визита президента Р. Эрдогана в Сочи [Al Jazeera, 2021].

Партнерство Москвы и Анкары Ю. Кудряшова определяет как прагматические отношения без функционирующих институтов [Kudryashova, 2021]. Совет сотрудничества высшего уровня – наиболее заметная структура взаимодействия России и Турции. Однако с момента своего создания в 2010 г. Совет не внес существенного вклада в партнерство двух стран, а его функциональность подрывалась регулярно возникавшими противоречиями между ними [Aslanlı, Akgün, 2020, p. 801]. Кроме того, Организация черноморского экономического сотрудничества – единственная региональная организация, членами которой являются и Россия, и Турция. Она остается слабым интеграционным механизмом и не находится в «центре процесса укрепления двусторонних связей» [Öniş, Yılmaz, 2015, p. 11].

Помимо отсутствия общих сильных институтов, причинами выбора этого неинституционального пути являются ограничения, создаваемые существующими структурами (например, НАТО для Турции), имманентный характер возникающих проблем, требующих быстрого реагирования, и стиль руководства президентов обеих стран, которые предпочитают практический подход делегированию полномочий. Например, во время церемонии первой загрузки ядерного топлива на АЭС «Аккую» В.В. Путин выразил благодарность президенту Эрдогану за личное участие в проекте, позволившее преодолеть административные сложности [Президент России, 2023]. Оба лидера не склонны к передаче суверенитета международным организациям, а их взгляд на международный порядок совпадает с концепцией, которую Р. Саква называет суверенным интернационализмом [Sakwa, 2019b, p. 20–21]. В отличие от либерального, революционного или меркантилистского типов, суверенный интернационализм «подчеркивает суверенное принятие решений национальными государствами» и предполагает отказ от передачи власти институтам.

Каким бы эффективным ни было общение между президентами, зависимость от их личных инициатив отражает хрупкость партнерства. Это стало очевидным, когда кандидат в президенты Турции от оппозиции Кемаль Кылычдароглу на своей странице в социальной сети обвинил россиян во вмешательстве в турецкие выборы [Reuters, 2023]. Хотя по результатам выборов администрация Р. Эрдогана осталась у власти еще на один срок, пост К. Кылычдароглу и реакция на него в СМИ показали хрупкость, обусловленную зависимостью от прямых контактов между президентами, в случае перераспределения политического влияния в России или Турции.

Третьей характеристикой сотрудничества после 2016 г. является стремление двух стран решать региональные проблемы без привлечения внешних акторов. Обе стороны привержены решению региональных вопросов без участия внешних сил. Этот вопрос всегда вызывал беспокойство Турции. Это выразилось в ее настойчивом стремлении не допустить, чтобы российско-грузинский конфликт 2008 г. превратил Черноморский регион в линию конфронтации между НАТО и Россией [Коновалов,

2020, с. 162]. Более свежий пример – Астанинский мирный процесс, начатый Россией, Турцией и Ираном для решения проблем, связанных с Сирией. Стороны рассматривают Астанинский процесс как элемент реализации указанной идеи, поскольку конкретный шаг к выходу из тупика по сирийской проблеме смогли сделать именно региональные игроки, а не западные державы. Еще одним важным примером стал исход второй карабахской войны в 2020 г. Война закончилась, когда Россия обеспечила заключение соглашения о прекращении огня, отодвинув ОБСЕ на второй план. Хотя Россия была основным посредником, Турция также принимала участие в операциях по контролю за соблюдением перемирия.

Модель Астанинского процесса может стать первым шагом на пути к региональному институционализму, который обеспечил бы Анкаре и Москве основу для укрепления геополитического взаимодействия. В отличие от Женевских переговоров, в Астанинском процессе приняли участие только видные региональные игроки и не присутствовали западные акторы [Kortunov, 2019]. С. Маркедонов предложил треугольнику Москва – Анкара – Тегеран договориться об урегулировании конфликтов на Южном Кавказе, поскольку этот формат уже доказал свою эффективность в Сирии [Markedonov, 2018, p. 43]. Создать форум для решения проблем Кавказа с участием шести государств региона уже много лет предлагает Турция [Hurriyet Daily News, 2020]. Однако азербайджано-армянская война 2020 г. в основном завершилась благодаря инициативам России, и по итогам войны Тегеран не смог сыграть сколько-нибудь существенной роли, в то время как Москва легитимизировала роль Турции созданием общего наблюдательного пункта [Trenin, 2020]. Даже в отношении Сирии Анкара была склонна решать разногласия путем прямых переговоров с Москвой, а не использовать трехсторонний механизм. Таким образом, надежды на создание мощного регионального института, основанного на принципах Астанинского процесса, не оправдались.

Четвертой и последней характеристикой партнерства Москвы и Анкары является экономический прагматизм, основанный на взаимодополняемости экономик двух стран и сходстве трудностей, с которыми они столкнулись. Российские ноу-хау в атомной отрасли позволили реализовать проект АЭС «Аккую», а необходимость поиска новых рынков для природного газа сделала «Турецкий поток» привлекательной инициативой. Такие проекты, поощряя дальнейшее сотрудничество, также повышают издержки будущих конфликтов. Например, хотя Анкара и осуждает присоединение Крыма к России, она согласилась на проект, который будет иметь негативные последствия для Украины. Как отметил Кёстам, проект «Турецкий поток» следует воспринимать в увязке с геополитической целью России по лишению Украины статуса транзитной страны [Köstem, 2018, p. 23]. Более того, президент В.В. Путин предложил, чтобы Турция стала хабом для поставок российского газа в Европу на фоне поиска последней альтернативных источников из-за конфликта на Украине [Oğuzlu, 2022]. Связями в рамках отмеченной структуры партнерства также являются турецкие инвестиции в строительную отрасль России, туристический поток в Турцию (особенно после введенных западными странами ограничений на полеты) и торговля сельскохозяйственной продукцией (история о санкциях в отношении поставок турецких томатов в период кризиса 2016 г.).

Тем не менее обе страны действуют прагматично в рамках существующих экономических структур. Будучи членом Таможенного союза ЕС, Анкара не желает рисковать попаданием под режим санкций. Турецкие банки решили прекратить использование российской платежной системы «Мир» вскоре после предупреждений со стороны США [Kandemir, 2022]. Более того, министр иностранных дел заявил, что Турция не позволит национальным учреждениям обходить санкции [The Ministry of Foreign Affairs

of the Republic of Türkiye, 2022]. Понятно, почему Анкару беспокоит вопрос финансовых взаимодействий с западными институтами, особенно учитывая судебный процесс над банком Halkbank, связанный с уклонением от многолетних санкций США в отношении Ирана [Stempel, 2020]. Способность обоих игроков поддерживать сотрудничество, несмотря на значительные разногласия и структурные ограничения, очевидна в их действиях в отношении украинского конфликта. Ярким примером этого является зерновая инициатива, в рамках которой Анкара теперь может использовать свое влияние для продления договоренностей, несмотря на заявления Москвы об их прекращении [Prokopenko, 2023]. ООН критиковали за предвзятость в этом конфликте, и именно инициатива Анкары проложила путь к соглашению. Это отсрочило глобальный дефицит зерна, а возможно, и полностью предотвратило его [Sakwa, 2023, p. 85].

Вместо заключения: риски и неопределенности

В период с 2016 г. Россия и Турция нашли способ сохранить хрупкий баланс в своих отношениях, хотя политика двух стран во многих областях и различается. В этом исследовании мы попытались ответить на вопрос, как возникла существующая модель отношений между Россией и Турцией, и проанализировали ее основные характеристики, определяющие логику, согласно которой Москва и Анкара действуют в отношении двусторонних и региональных вопросов. Мы показали, что «выравнивание» России и Турции является результатом долгосрочного стимула идейной конвергенции, основанной на растущих антизападных настроениях как в России, так и в Турции, а также стремлении двух стран взять на себя центральную роль в многополярном мировом порядке. Более того, этот идейный стимул сыграл решающую роль в развитии прагматических отношений, которые во многом зависят от прямого общения между лидерами. Это позволило странам быстро реагировать на новые вызовы и возможности сотрудничества. В результате текущее взаимодействие представляет собой «выравнивание» позиций, акцентированное на предотвращении потенциальных кризисов посредством персоналистического подхода в сочетании с приверженностью многополярности и экономическим прагматизмом.

Учитывая геополитические тектонические сдвиги, это партнерство до сих пор было плодотворным. Тем не менее с точки зрения нескольких аспектов оно по-прежнему остается хрупким и будет подвергаться испытаниям. Множество неопределенностей создает сложную обстановку, содержащую много факторов, которые проверят устойчивость существующего формата взаимодействия. Главными рисками являются кризис на Украине, сохраняющиеся различия геополитических интересов Москвы и Анкары и, наконец, потенциальный поворот на Запад со стороны Турции, который все еще остается вариантом сценария для Анкары, несмотря на долгосрочное размежевание.

Рост российского военного присутствия вокруг Турции — одна из потенциальных угроз для отношений двух стран. Поставки Турцией оружия и боеприпасов Украине, в том числе БПЛА, как ожидалось, могли создать серьезные проблемы в отношениях между Москвой и Анкарой, тем не менее объем торговли между двумя странами вырос. Несмотря на неодобрение Москвой использования Украиной беспилотников «Байрактар» на Донбассе до начала СВО, Турция продолжила поставлять их даже после начала спецоперации. С другой стороны, присоединение Крыма к России вызвало значительный сдвиг в стратегической конфигурации Черноморского региона и представляет собой все более серьезную проблему для Турции и НАТО, поскольку Россия расширяет свою военную инфраструктуру в этом жизненно важном регионе и укрепляет свой Черноморский флот [Baev, 2019, p. 54].

Дальнейшие территориальные приобретения России на Украине лишь укрепят доминирующее положение Москвы в Черноморском регионе за счет ослабления позиций Турции. Помимо Черного моря, Турция наблюдает рост российского военного присутствия в различных регионах, таких как государства Южного Кавказа на востоке (с 2008 г.) и Сирия на юге. Ощущение «окружения» может подтолкнуть Турцию к поиску балансирующей политики по отношению к России, а позиции обеих стран могут противоречить друг другу в регионах, где и Москва, и Анкара имеют военное присутствие.

Геополитическая конкуренция России и Турции также является риском для двустороннего сотрудничества. Попытки Анкары усилить свое влияние в Центральной Азии и на Кавказе посредством таких инициатив, как «Средний коридор» и «Тюркский мир», потенциально могут создать проблемы в двусторонних отношениях. Например, планы Анкары соединить Евразию с Европой через так называемый «Средний коридор» помогут странам Центральной Азии и Китаю диверсифицировать торговые маршруты в обход «Северного коридора», в котором доминирует Россия. Хотя объем торговли на этом направлении пока не так велик, как ожидалось, в будущем он может способствовать снижению роли России [Chang, 2023].

Кроме того, попытки Анкары объединить тюркоязычные страны Центральной Азии и Кавказа в рамках Организации тюркских государств могут вызвать недовольство Москвы, поскольку последняя считает эти государства своей естественной сферой влияния. Анкара проявляет осторожность и не провоцирует Россию в этой сфере. Однако продолжающийся конфликт на Украине отвлек внимание России и создал возможность для Турции улучшить отношения с республиками Центральной Азии [Pannier, 2022]. Напротив, противоречия в Сирии кажутся связанными с меньшими рисками, чем раньше, поскольку Дамаск участвует в переговорах стран астанинской «тройки» в Москве в формате четырехсторонних встреч министров иностранных дел [Guldogan, 2023]. Тем не менее устойчивое решение этого вопроса потребует времени.

Двойственная позиция Турции по отношению к НАТО и ЕС является еще одним фактором неопределенности в российско-турецких отношениях. Турция оказала Украине военную и экономическую помощь, включая продажу БПЛА и другой военной техники. Эта помощь может вызвать недовольство России и привести к дальнейшим трениям между двумя странами, особенно если конфликт на Украине еще более обострится. До сих пор Турция проводила прагматичную внешнюю политику по отношению к России в этом контексте. Осуждая действия России на Украине и продавая последней оружие, Турция воздержалась от присоединения к санкциям, введенным против Москвы Западом. Однако в последнее время Анкара начала демонстрировать признаки изменения этой политики.

Во-первых, Эрдоган часто заявляет о своей поддержке заявки Украины на членство в НАТО. Более того, Зеленский вернулся в Киев с пленными боевиками «Азова»², проживавшими в Турции в рамках сделки, заключенной в 2022 г. [Faggionato, 2023]. Вскоре после этого президент Эрдоган объявил, что больше не будет блокировать заявку Швеции на членство в НАТО и отправит ее на рассмотрение в Великое национальное собрание Турции. Покупка Турцией систем С-400 нанесла значительный ущерб ее отношениям с Западом, а нежелание поддержать членство Швеции и Финляндии в НАТО было признаком сохраняющихся проблем взаимодействия. Однако членство в НАТО по-прежнему является преимуществом для Анкары. В случае эскалации конфликта на Украине между Россией и членами НАТО Турции, возможно, придется вы-

² Признан террористическим и запрещен в Российской Федерации.

бирать сторону, а это означает, что она не сможет выполнять взятую на себя посредническую роль. Это, скорее всего, окажет серьезное воздействие на отношения Турции и России, особенно с учетом того, что вступление новых членов в НАТО может привести к изменению оборонной стратегии Москвы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аватков В.А. (2017) Турция: поворот на восток // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 10. № 2. С. 181–196. Режим доступа: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-2-181-196>
- Байков А., Истомин И. (2013) Неожиданные партнеры России на Ближнем и Среднем Востоке // *Международные процессы*. № 2. С. 115–134.
- Богатуров А. (2007) Три поколения внешнеполитических доктрин России // *Международные процессы*. Т. 5. № 1. С. 54–69.
- Богатуров Б.В. (2019) Турция, Россия и Европа с позиции «цивилизационного реализма» // *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 53–66. Режим доступа: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.05>
- Коновалов И.П. (2020) *Кавказская шахматная доска*. М.: Воробьев А.В.
- Президент России (2014) Обращение Президента Российской Федерации. Москва. 18 марта. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 12.07.2023).
- Президент России (2023) Церемония по случаю завоза ядерного топлива на АЭС «Аккую». Москва. 27 апреля. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/71006> (режим доступа: 12.07.2023).
- Савченко А.Е., Зуенко И.Ю. (2020) Движущие силы российского поворота на восток // *Сравнительная политика*. Т. 11. № 1. Р. 111–125. Режим доступа: <http://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10009>.
- Шаклеина Т.А. (2022) *Мировой порядок в XXI веке: консолидация полицентричности // Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: учебник / под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова*. М.: Аспект-Пресс.
- Aktürk Ş. (2006) Turkish-Russian Relations After the Cold War (1992–2002) // *Turkish Studies*. Vol. 7. Issue 3. P. 337–364. Режим доступа: <http://doi.org/10.1080/14683840600891034>
- Al Jazeera (2020) Erdogan Defends Testing Russian S-400, Shrugs Off US Criticism // Al Jazeera. 23 October. Режим доступа: <https://www.aljazeera.com/news/2020/10/23/erdogan-says-turkey-tested-russian-s-400s-shrugs-off-us-reaction> (дата обращения: 12.07.2023).
- Al Jazeera (2021) Syria High on Agenda as Putin and Erdogan Meet in Sochi // Al Jazeera. 29 September. Режим доступа: <https://www.aljazeera.com/news/2021/9/29/syria-high-agenda-putin-erdogan-meet-sochi> (дата обращения: 30.03.2023).
- Arango T., Yeginsu C. (2016) Turks Can Agree on One Thing: U.S. Was Behind Failed Coup // *The New York Times*. 2 August. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2016/08/03/world/europe/turkey-coup-erdogan-fethullah-gulen-united-states.html> (дата обращения: 12.07.2023).
- Aslanli K., Akgün B. (2020) Institutional Mechanisms of the Turkish Foreign Policy: The Case of Russia-Turkey High-Level Cooperation Council // *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 20. No. 4. P. 791–804. Режим доступа: <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-4-791-804>
- Baev P.K. (2019) Turkey's Ambiguous Strategic Rapprochement With Russia // *Turkey's Pivot to Eurasia: Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order / E. Erşen, S. Köstem (eds)*. L.; N.Y.: Routledge. P. 48–63.
- Bilgin P., Bilgiç A. (2011) Turkey's "New" Foreign Policy Toward Eurasia // *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 52. Issue 2. P. 173–195. Режим доступа: <http://doi.org/10.2747/1539-7216.52.2.173>
- Çelik E. (2016) CIA's Clandestine Meeting in Istanbul on Coup Night // *Yeni Şafak*. 16 July. Режим доступа: <https://www.yenisafak.com/en/news/cias-clandestine-meeting-in-istanbul-on-coup-night-2499850> (дата обращения: 12.07.2023).

- Çelik M. (2022) Does Bolton Imply US Behind Turkey's July 15 Coup Bid Too? // *Daily Sabah*. 15 July. Режим доступа: <https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/does-bolton-imply-us-behind-turkeys-july-15-coup-bid-too> (дата обращения: 12.07.2023).
- Chang F.K. (2023) The Middle Corridor Through Central Asia: Trade and Influence Ambitions. Foreign Policy Research Institute. Режим доступа: <https://www.fpri.org/article/2023/02/the-middle-corridor-through-central-asia-trade-and-influence-ambitions/> (дата обращения: 03/03/2023).
- Cook S. (2016) Turkey's Failed Coup and the United States. Council on Foreign Affairs. 1 August. Режим доступа: <https://www.cfr.org/blog/turkeys-failed-coup-and-united-states> (дата обращения: 12.07.2023).
- Çelikpala M. (2015) Rekabet ve İşbirliği İkileminde Yönünü Arayan Türk-Rus İlişkileri [Turkish-Russian Relations in Search of a Way Out of the Rivalry-Competition Dilemma] // *Bilig*. Vol. 72. P. 117–144. Режим доступа: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/bilig/issue/25351/267643> (in Turkish).
- Davutoğlu A. (1997) Medeniyetlerin Ben-idrâki [Self-Realization of Civilizations] // *Divan*. Vol. 3. No. 1. P. 1–53 (in Turkish).
- Davutoğlu A. (2001) Stratejik Derinlik [The Strategic Depth]. İstanbul: Küre Yayınları (in Turkish).
- Didić A., Kösebalaban H. (2019) Turkey's Rapprochement With Russia: Assertive Bandwagoning // *The International Spectator*. Vol. 54. Issue 3. P. 123–138. Режим доступа: <http://doi.org/10.1080/03932729.2019.1627070>
- Erşen E., Çelikpala M. (2019) Turkey and the Changing Energy Geopolitics of Eurasia // *Energy Policy*. Vol. 128. P. 584–592. Режим доступа: <http://doi.org/10.1016/j.enpol.2019.01.036>
- Erşen E., Köstem S. (2020) Turkey's Interest in Closer Relations With Russia: Global, Regional and Domestic Dynamics // *SİYASAL: Journal of Political Sciences*. Vol. 29. Issue 2. P. 231–245. Режим доступа: <http://doi.org/10.26650/siyasal.2020.29.2.0026>
- European Council (2016) EU-Turkey Statement. Press Release, 18 March. Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/03/18/eu-turkey-statement/> (дата обращения: 12.07.2023).
- Faggionato G. (2023) Zelensky Brings Home Azov Fighters From Turkey, Angering Moscow // *Politico*. 9 July. Режим доступа: <https://www.politico.eu/article/russia-accused-turkey-and-ukraine-of-violating-prisoners-deal-war> (дата обращения: 12.07.2023).
- Fierke K.M. (2013) Constructivism // *International Relations Theories* / T. Dunne (ed.). Oxford: Oxford University Press. P. 187–205.
- Finnemore M. (1996) Norms, Culture, and World Politics: Insights From Sociology's Institutionalism // *International Organization*. Vol. 50 (2). P. 325–347. Режим доступа: <https://doi.org/10.1017/S0020818300028587>
- Guldogan D. (2023) Quadripartite Foreign Ministerial Meeting on Syria Held in Moscow // *Anadolu Agency*. 10 May. Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/en/politics/quadripartite-foreign-ministerial-meeting-on-syria-held-in-moscow/2893563> (дата обращения: 12.07.2023).
- Gürsel K. (2016) EU-Turkey Refugee Deal Gives Erdogan Case of “Political Amnesia” // *Al Monitor*. 17 May. Режим доступа: <https://www.al-monitor.com/originals/2016/05/turkey-european-union-refugee-deal-in-jeopardy.html> (дата обращения: 12.07.2023).
- Hill F., Taspınar Ö. (2006) Turkey and Russia: Axis of the Excluded? // *Survival*. Vol. 48. No. 1. P. 81–92. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1080/00396330600594256>
- Hopf T. (2002) *Social Construction of International Politics: Identities and Foreign Policies, 1955 and 1999*. Ithaca: Cornell University Press.
- Hurriyet Daily News (2016) US General Is on Side of Coup Plotters: Erdoğan. 30 July. Режим доступа: <https://www.hurriyetdailynews.com/us-general-is-on-side-of-coup-plotters-erdogan---102242> (дата обращения: 12.07.2023).
- Hurriyet Daily News (2020) Turkey Proposes a 6-Way Caucasus Platform for Peace and Stability. 11 December. Режим доступа: <https://www.hurriyetdailynews.com/turkey-to-be-patient-and-see-what-trend-emerges-after-biden-takes-office-erdogan-160776> (дата обращения: 30.03.2023).

- Kandemir A. (2022) Turkey's Isbank Suspends Use of Russian Mir Cards After US Warning. Bloomberg, 19 September. Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-09-19/turkey-s-ibank-stops-using-russian-mir-cards-after-us-warning> (дата обращения: 12.07.2023).
- Katzenstein P.J. (1996) *The Culture of National Security Norms and Identity in World Politics*. N.Y.: Columbia University Press.
- Kortunov A. (2019) The Astana Model: Methods and Ambitions of Russian Political Action // *The MENA Region: A Great Power Competition* / К. Mezran, А. Varvelli (eds). SPI. P. 53–64.
- Köstem S. (2018) The Political Economy of Turkish-Russian Relations: Dynamics of Asymmetric Interdependence // *Perceptions*. Vol. 23. No. 2. P. 10–32. Режим доступа: <http://sam.gov.tr/pdf/perceptions/Vol-ume-XXIII/Summer-2018/sf10-32.pdf> (дата обращения: 02.10.2023).
- Köstem S. (2021) Russian-Turkish Cooperation in Syria: Geopolitical Alignment With Limits // *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 34. Issue. P. 795–817. Режим доступа: <http://doi.org/10.1080/09557571.2020.1719040>
- Kudryashova Y.S. (2021) Pragmatism in the Current Russian-Turkish Relations // *Panorama*. Режим доступа: <http://doi.org/10.13140/RG.2.2.12968.08967/1>
- Kutlay M., Öniş Z. (2021) Turkish Foreign Policy in an Emerging Post-Western International Order: Strategic Autonomy Versus New Forms of Dependence? // *International Affairs*. Vol. 97. Issue 4. P. 1085–1104. Режим доступа: <http://doi.org/10.1093/ia/iab094>
- Light M. (2015) Russian Foreign Policy Themes in Official Documents and Speeches: Tracing Continuity and Change // *Russia's Foreign Policy: Ideas, Domestic Politics and External Relations* / D. Cadier, M. Light (eds). Hampshire & New York: Palgrave Macmillan. P. 13–29.
- Mamedov R., Lukyanov G. (2018) Russia and Turkey: Approaches to Regional Security in the Middle East // *Perceptions: Journal of International Affairs*. Vol. 23. Issue 2. P. 51–71. Режим доступа: <https://dergipark.org.tr/en/pub/perception/issue/39593/468101> (дата обращения: 02.10.2023).
- Markedonov S. (2018) Russia and the Conflicts in the South Caucasus: Main Approaches, Problems, and Prospects // *Caucasus Edition*. Vol. 3. Issue 2. P. 24–47. Режим доступа: <https://caucasusedition.net/wp-content/uploads/2018/12/Russia-and-the-conflicts-in-the-South-Caucasus-main-approaches-problems-and-prospects.pdf> (дата обращения: 02.10.2023).
- Makarychev A., Morozov V. (2011) Multilateralism, Multipolarity, and Beyond: A Menu of Russia's Policy Strategies // *Global Governance*. Vol. 17. No. 3. P. 353–373. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/23033752>
- Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye (2022) Press Release Regarding EU General Affairs Council Conclusions Which Relate to Türkiye. No 378, 14 December. Режим доступа: https://www.mfa.gov.tr/no_-378_-avrupa-birligi-genel-isler-konseyi-nde-ulkemize-iliskin-alinan-karar-hk.en.mfa (дата обращения: 12.07.2023).
- Oğuzlu T. (2022) Putin'in Türkiye'ye doğalgaz üssü önerisi ve 2 soru [Putin's Natural Gas Hub Proposal to Turkey and 2 Questions]. *Fikir Turu*. Режим доступа: <https://fikirturu.com/jeo-strateji/putinin-turkiyeye-dogalgaz-ussu-onerisi-ve-2-soru/> (дата обращения: 03.03.2023) (in Turkish).
- Omelicheva M. (2013) Russian Foreign Policy: A Quest for Great Power Status in a Multipolar World // *Foreign Policy in Comparative Perspective Domestic and International Influences on State Behavior* / R. Beasley, J. Kaarbo, J. Lantis, M. Snarr (eds). Los Angeles: SAGE Publications. P. 94–117.
- Öniş Z., Yılmaz Ş. (2015) Turkey and Russia in a Shifting Global Order: Cooperation, Conflict and Asymmetric Interdependence in a Turbulent Region // *Third World Quarterly*. Vol. 37. Issue 1. P. 71–95. Режим доступа: <http://doi.org/10.1080/01436597.2015.1086638>
- Pannier B. (2022) Turkey and Central Asia: Ukraine War Will Strengthen Ties // *Eurasianet*. 15 April. Режим доступа: <https://eurasianet.org/perspectives-turkey-and-central-asia-ukraine-war-will-strengthen-ties> (дата обращения: 30.03.2023).
- President of Russia (2007) Speech and the Following Discussion at the Munich Conference on Security Policy. [online]. Munich. 10 February. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 12.07.2023).

President of Russia (2008) Interview given by Dmitry Medvedev to Television Channels Channel One, Russia, NTV. Sochi. 31 August. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/48301> (дата обращения: 12.07.2023).

Prokopenko A. (2023) How the Ukraine Grain Deal Went From Boon to Burden for the Kremlin // *Carnegie Politika*. 17 March. Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/politika/89307> (дата обращения: 30.03.2023).

Reuters (2021) Turkish Minister Says U.S. Behind 2016 Failed Coup // Reuters. 4 February. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/turkey-security-usa-int-idUSKBN2A41NF> (дата обращения: 30.03.2023).

Reuters (2023) Erdogan Rival Accuses Russia of “Deep Fake” Campaign Ahead of Presidential Vote // Reuters. 12 May. Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/middle-east/erdogan-rival-accuses-russia-deep-fake-campaign-ahead-presidential-vote-2023-05-12/> (дата обращения: 12.07.2023).

Ricciardone F., Stein A. (2016) Mitigating US-Turkish Disagreement over the PYD. Atlantic Council, 24 February. Режим доступа: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/mitigating-us-turkish-disagreement-over-the-pyd> (дата обращения: 12.07.2023).

Rüma İ., Çelikpala M. (2019) Russian and Turkish Foreign Policy Activism in the Syrian Theater // *Uluslararası İlişkiler*. Vol. 16. No. 2. P. 65–84. Режим доступа: <https://doi.org/10.33458/uidergisi.588930>

Sakwa R. (2019a) Russian Neo-Revisionism // *Russian Politics*. Vol. 4. No. 1. P. 1–21. Режим доступа: <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00401001>

Sakwa R. (2019b) The International System and Models of Global Order // *Russia in Global Affairs*. Vol. 17. No. 3. P. 8–31. Режим доступа: <http://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-3-8-31>

Sakwa R. (2023) Crisis of the International System and International Politics // *Russia in Global Affairs*. Vol. 21. No. 1. P. 70–91. Режим доступа: <http://doi.org/10.31278/1810-6374-2023-21-1-70-91>

Snetkov A. (2012) When the Internal and External Collide: A Social Constructivist Reading of Russia’s Security Policy // *Europe-Asia Studies*. Vol. 64. No. 3. P. 521–542. Режим доступа: <http://doi.org/10.1080/09668136.2012.661935>

Sputnik Türkiye (2022) Metropol anketi: Türkiye dış ilişkilerinde Rusya ve Çin’e öncelik vermelidir diyenler yüzde 39,4 [Metropol Survey: 39.4 Percent Say that Turkey Should Give Priority to Russia and China in Its Foreign Relations]. 22 January. Режим доступа: <https://sputniknews.com.tr/20220122/metropol-anketi-turkiye-dis-iliskilerinde-rusya-ve-cine-ocelik-vermelidir-diyenler-yuzde-394-1053017774.html> (дата обращения: 12.07.2023) (in Turkish).

Stempel J. (2020) Turkey’s Halkbank Urges Dismissal of Iran Sanctions Criminal Case in U.S. // Reuters. 18 September. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-usa-turkey-halkbank-idUSKBN2692FF> (дата обращения: 12.07.2023).

Teslova E. (2018) UN Security Council Unrepresentative: Russia’s Lavrov // *Anadolu Agency*, 3 May. Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/en/politics/un-security-council-unrepresentative-russias-lavrov/1134395> (дата обращения: 30.03.2023).

Trenin D. (2020) Moscow’s New Rules. Carnegie Endowment for International Peace. Режим доступа: <https://carnegiemoscow.org/commentary/83208> (дата обращения: 30.03.2023).

Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (2021) Constructing National Values: The Nationally Distinctive Turn in Russian IR Theory and Foreign Policy // *Foreign Policy Analysis*. Vol. 17. Issue 4. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/fpa/orab022>

Uluş A. (2016) Darbenin arkasında ABD var: %79... [The US Is Behind the Coup: 79%...] // *Haberturk*. 29 November. Режим доступа: <https://www.haberturk.com/gundem/haber/1329969-darbenin-arkasinda-abd-var--79-ohal-hayatimi-degistirmedii--75> (ассдата обращения: 12.07.2023) (in Turkish).

Wendt A. (1992) Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // *International Organization*. Vol. 46. Issue 2. P. 391–425. Режим доступа: <http://doi.org/10.1017/S0020818300027764>

Wendt A. (1994) Collective Identity Formation and the International State // *American Political Science Review*. Vol. 88. Issue 2. P. 384–396. Режим доступа: <http://doi.org/10.2307/2944711>

The Evolution of Russian-Turkish Relations: Ideational Convergence and Pragmatic Cooperation¹

B. Ayar, O. Arslan

Başaran Ayar – Lecturer of International Relations, Ankara University, Turkey; PhD in Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation; 56/A Cemal Gürsel Cd., 06590 Ankara, Türkiye; basaran.ayar@ankara.edu.tr

Orkun Arslan – Centre for Mediterranean Studies, Higher School of Economics; 20 Myasnikskaya Ulitsa, Moscow, 101000, Russian Federation; orkunars@gmail.com

Abstract

Moscow-Ankara relations have been experiencing an unprecedented level of partnership simultaneously with a plethora of disputes between the actors. They have managed to continue cooperation without letting the emerging disagreements cause crises similar to the Su-24 Jet incident of 2015. This study examines Russian-Turkish relations since 2016 to expose how this alignment emerged and how the two actors operate in this partnership. After reviewing the literature that highlights the limitations and fragility of the cooperation, the authors shed light on the ideational convergence that allowed the alignment, arguing that it served as the basis of the current pragmatist and personalistic relations. Moreover, four main characteristics of this alignment are explained: 1) risk-aversion as the priority; 2) reliance on personalistic relations between the leaders; 3) focus on resolving issues among themselves instead of including non-regional actors; 4) economic pragmatism. Then, the risks that can potentially cause a collapse of this partnership are discussed, emphasizing the danger caused by the accumulation of unresolved disputes and political uncertainties in bilateral relations. Authors argue that under the current conditions, the partnership is fragile and will be tested by the upcoming challenges.

Keywords: Russian-Turkish relations, Eurasian politics, multipolarity, ideas in IR, pragmatic cooperation

For citation: Ayar B., Arslan O. (2023) The Evolution of Russian-Turkish Relations: Ideational Convergence and Pragmatic Cooperation. *International Organisations Research Journal*, vol. 18, no 3, pp. 120–141 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2023-03-07

References

- Aktürk Ş. (2006) Turkish-Russian Relations After the Cold War (1992–2002). *Turkish Studies*, vol. 7, issue 3, pp. 337–64. Available at: <http://doi.org/10.1080/14683840600891034>
- Al Jazeera (2020) Erdogan Defends Testing Russian S-400, Shrugs Off US Criticism. *Al Jazeera*, 23 October. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2020/10/23/erdogan-says-turkey-tested-russian-s-400s-shrugs-off-us-reaction> (accessed 12 July 2023).
- Al Jazeera (2021) Syria High on Agenda as Putin and Erdogan Meet in Sochi. *Al Jazeera*, 29 September. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2021/9/29/syria-high-agenda-putin-erdogan-meet-sochi> (accessed 30 March 2023).
- Arango T., Yeginsu C. (2016) Turks Can Agree on One Thing: U.S. Was Behind Failed Coup. *The New York Times*, 2 August. Available at: <https://www.nytimes.com/2016/08/03/world/europe/turkey-coup-erdogan-fethullah-gulen-united-states.html> (accessed 12 July 2023).

¹ This article was submitted 30.03.2023

Translated by A. Shelepov, Senior Researcher, Centre for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

- Aslanli K., Akgün B. (2020) Institutional Mechanisms of the Turkish Foreign Policy: The Case of Russia-Turkey High-Level Cooperation Council. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 20, no 4, pp. 791–804. Available at: <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-4-791-804>
- Avatkov B.A. (2017) Turcija: povorot na vostoki [Turkey: Turn East]. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 10, no 2, pp. 181–96. Available at: <http://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-2-181-196> (in Russian).
- Baev P.K. (2019) Turkey's Ambiguous Strategic Rapprochement With Russia. *Turkey's Pivot to Eurasia: Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order* (E. Erşen, S. Köstem (eds)). London & New York: Routledge, pp. 48–63.
- Baykov A.A., Istomin I.A. (2013) Neozhidannyye partnery Rossii na Blizhnem i Srednem Vostoke [Russia's Unexpected Partners in the Near and Middle East], *International Trends*, vol. 11, no 2, pp. 115–134 (in Russian).
- Bilgin P., Bilgiç A. (2011) Turkey's "New" Foreign Policy Toward Eurasia. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 52, issue 2, pp. 173–95. Available at: <http://doi.org/10.2747/1539-7216.52.2.173>
- Bogaturov A. (2007) Tri pokoleniya vneshnepoliticheskikh doktrin Rossii [Three generations of Russian foreign policy doctrines]. *International Trends*, vol. 5, no 1, pp. 54–69 (in Russian).
- Çelik E. (2016) CIA's Clandestine Meeting in Istanbul on Coup Night. *Yeni Şafak*, 16 July. Available at: <https://www.yenisafak.com/en/news/cias-clandestine-meeting-in-istanbul-on-coup-night-2499850> (accessed 12 July 2023).
- Çelik M. (2022) Does Bolton Imply US Behind Turkey's July 15 Coup Bid Too? *Daily Sabah*, 15 July. Available at: <https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/does-bolton-imply-us-behind-turkeys-july-15-coup-bid-too> (accessed 12 July 2023).
- Chang F.K. (2023) The Middle Corridor Through Central Asia: Trade and Influence Ambitions. Foreign Policy Research Institute. Available at: <https://www.fpri.org/article/2023/02/the-middle-corridor-through-central-asia-trade-and-influence-ambitions/> (accessed 3 March 2023).
- Cook S. (2016) Turkey's Failed Coup and the United States. Council on Foreign Affairs, 1 August. Available at: <https://www.cfr.org/blog/turkeys-failed-coup-and-united-states> (accessed 12 July 2023).
- Çelikpala M. (2015) Rekabet ve İşbirliği İki Yönde Arayan Türk-Rus İlişkileri [Turkish-Russian Relations in Search of a Way Out of the Rivalry-Competition Dilemma]. *Bilig*, vol. 72, pp. 117–44. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/bilig/issue/25351/267643> (in Turkish).
- Davutoğlu A. (1997) Medeniyetlerin Ben-idrâki [Self-Realization of Civilizations]. *Divan*, vol. 3, no 1, pp. 1–53 (in Turkish).
- Davutoğlu A. (2001) *Stratejik Derinlik [The Strategic Depth]*. İstanbul: Küre Yayınları (in Turkish).
- Didić A., Kösebalaban H. (2019) Turkey's Rapprochement With Russia: Assertive Bandwagoning. *The International Spectator*, vol. 54, issue 3, pp. 123–38. Available at: <http://doi.org/10.1080/03932729.2019.1627070>
- Erşen E., Çelikpala M. (2019) Turkey and the Changing Energy Geopolitics of Eurasia. *Energy Policy*, vol. 128, pp. 584–92. Available at: <http://doi.org/10.1016/j.enpol.2019.01.036>
- Erşen E., Köstem S. (2020) Turkey's Interest in Closer Relations With Russia: Global, Regional and Domestic Dynamics. *SİYASAL: Journal of Political Sciences*, vol. 29, issue 2, pp. 231–45. Available at: <http://doi.org/10.26650/siyasal.2020.29.2.0026>
- European Council (2016) EU-Turkey Statement. Press Release, 18 March. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/03/18/eu-turkey-statement/> (accessed 12 July 2023).
- Faggionato G. (2023) Zelenskyy Brings Home Azov Fighters From Turkey, Angering Moscow. *Politico*, 9 July. Available at: <https://www.politico.eu/article/russia-accused-turkey-and-ukraine-of-violating-prisoners-deal-war> (accessed 12 July 2023).
- Fierke K.M. (2013) Constructivism. *International Relations Theories* (T. Dunne (ed.)). Oxford: Oxford University Press, pp. 187–205.
- Finnemore M. (1996) Norms, Culture, and World Politics: Insights From Sociology's Institutionalism. *International Organization*, vol. 50(2), pp. 325–47. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0020818300028587>

- Guldogan D. (2023) Quadripartite Foreign Ministerial Meeting on Syria Held in Moscow. *Anadolu Agency*, 10 May. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/politics/quadripartite-foreign-ministerial-meeting-on-syria-held-in-moscow/2893563> (accessed 12 July 2023).
- Gürsel K. (2016) EU-Turkey Refugee Deal Gives Erdogan Case of “Political Amnesia.” *Al Monitor*, 17 May. Available at: <https://www.al-monitor.com/originals/2016/05/turkey-european-union-refugee-deal-in-jeopardy.html> (accessed 12 July 2023).
- Hill F., Taspınar Ö. (2006) Turkey and Russia: Axis of the Excluded? *Survival*, vol. 48, no 1, pp. 81–92. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/00396330600594256>
- Hopf T. (2002) *Social Construction of International Politics: Identities and Foreign Policies*, Moscow, 1955 and 1999. Ithaca: Cornell University Press.
- Hurriyet Daily News (2016) US General Is on Side of Coup Plotters: Erdoğan. 30 July. Available at: <https://www.hurriyetdailynews.com/us-general-is-on-side-of-coup-plotters-erdogan---102242> (accessed 12 July 2023).
- Hurriyet Daily News (2020) Turkey Proposes a 6-Way Caucasus Platform for Peace and Stability. 11 December. Available at: <https://www.hurriyetdailynews.com/turkey-to-be-patient-and-see-what-trend-emerges-after-biden-takes-office-erdogan-160776> (accessed 30 March 2023).
- Kandemir A. (2022) Turkey’s Isbank Suspends Use of Russian Mir Cards After US Warning. Bloomberg, 19 September. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-09-19/turkey-s-ibank-stops-using-russian-mir-cards-after-us-warning> (accessed 12 July 2023).
- Katzenstein P.J. (1996) *The Culture of National Security Norms and Identity in World Politics*. New York: Columbia University Press.
- Konovalov I.P. (2020) *Kavkazskaya Shakhmatnaya Doska [Caucasian Chessboard]*. Moscow: Vorob’ev A.V. (in Russian).
- Kortunov A. (2019) The Astana Model: Methods and Ambitions of Russian Political Action. *The MENA Region: A Great Power Competition* (K. Mezran, A. Varvelli (eds)). SPI, pp. 53–64.
- Köstem S. (2018) The Political Economy of Turkish-Russian Relations: Dynamics of Asymmetric Interdependence. *Perceptions*, vol. 23, no 2, pp. 10–32. Available at: <http://sam.gov.tr/pdf/perceptions/Volume-XXI-II/Summer-2018/sf10-32.pdf> (accessed 2 October 2023).
- Köstem S. (2021) Russian-Turkish Cooperation in Syria: Geopolitical Alignment With Limits. *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 34, issue, pp. 795–817. Available at: <http://doi.org/10.1080/09557571.2020.1719040>
- Kudryashova Y.S. (2021) Pragmatism in the Current Russian-Turkish Relations. *Panorama*. Available at: <http://doi.org/10.13140/RG.2.2.12968.08967/1>
- Kutlay M., Öniş Z. (2021) Turkish Foreign Policy in an Emerging Post-Western International Order: Strategic Autonomy Versus New Forms of Dependence? *International Affairs*, vol. 97, issue 4, pp. 1085–104. Available at: <http://doi.org/10.1093/ia/iab094>
- Light M. (2015) Russian Foreign Policy Themes in Official Documents and Speeches: Tracing Continuity and Change. *Russia’s Foreign Policy: Ideas, Domestic Politics and External Relations* (D. Cadier, M. Light (eds)). Hampshire & New York: Palgrave Macmillan, pp. 13–29.
- Mamedov R., Lukyanov G. (2018) Russia and Turkey: Approaches to Regional Security in the Middle East. *Perceptions: Journal of International Affairs*, vol. 23, issue 2, pp. 51–71. Available at: <https://dergipark.org.tr/en/pub/perception/issue/39593/468101> (accessed 2 October 2023).
- Markedonov S. (2018) Russia and the Conflicts in the South Caucasus: Main Approaches, Problems, and Prospects. *Caucasus Edition*, vol. 3, issue 2, pp. 24–47. Available at: <https://caucasusedition.net/wp-content/uploads/2018/12/Russia-and-the-conflicts-in-the-South-Caucasus-main-approaches-problems-and-prospects.pdf> (accessed 2 October 2023).
- Makarychev A., Morozov V. (2011) Multilateralism, Multipolarity, and Beyond: A Menu of Russia’s Policy Strategies. *Global Governance*, vol. 17, no 3, pp. 353–73. Available at: <https://www.jstor.org/stable/23033752>

Mezhuev B.B. (2019) Turcija, Rossija i Evropa s pozicij “civilizacionnogo realizma” [Turkey, Russia and Europe from the Position of “Civilizational Realism”. *Polis: Political Research*, no 6, pp. 53–66. Available at: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.05> (in Russian).

Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye (2022) Press Release Regarding EU General Affairs Council Conclusions Which Relate to Türkiye, no 378, 14 December. Available at: https://www.mfa.gov.tr/no_-378_-avrupa-birligi-genel-isler-konseyi-nde-ulkemize-iliskin-alinan-karar-hk.en.mfa (accessed 12 July 2023).

Oğuzlu T. (2022) Putin’in Türkiye’ye doğalgaz üssü önerisi ve 2 soru [Putin’s Natural Gas Hub Proposal to Turkey and 2 Questions]. *Fikir Turu*. Available at: <https://fikirturu.com/jeo-strateji/putinin-turkiyeye-dogalgaz-ussu-onerisi-ve-2-soru/> (accessed 3 March 2023) (in Turkish).

Omelicheva M. (2013) Russian Foreign Policy: A Quest for Great Power Status in a Multipolar World. *Foreign Policy in Comparative Perspective Domestic and International Influences on State Behavior* (R. Beasley, J. Kaarbo, J. Lantis, M. Snarr (eds)). Los Angeles: SAGE Publications, pp. 94–117.

Öniş Z., Yılmaz Ş. (2015) Turkey and Russia in a Shifting Global Order: Cooperation, Conflict and Asymmetric Interdependence in a Turbulent Region. *Third World Quarterly*, vol. 37, issue 1, pp. 71–95. Available at: <http://doi.org/10.1080/01436597.2015.1086638>

Pannier B. (2022) Turkey and Central Asia: Ukraine War Will Strengthen Ties. *Eurasianet*, 15 April. Available at: <https://eurasianet.org/perspectives-turkey-and-central-asia-ukraine-war-will-strengthen-ties> (accessed 30 March 2023).

President of Russia (2007) Speech and the Following Discussion at the Munich Conference on Security Policy. [online]. Munich. 10 February. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (accessed 12 July 2023).

President of Russia (2008) Interview given by Dmitry Medvedev to Television Channels Channel One, Russia, NTV. Sochi. 31 August. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/48301> (accessed 12 July 2023).

President of Russia (2014) Obrashhenie Prezidenta Rossijskoj Federacii [Address of the President of the Russian Federation]. Moscow. 18 March. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> (accessed 12 July 2023) (in Russian).

President of Russia (2023) Ceremonija po sluchaju zavoza jadernogo topliva na AJeS “Akkuju” [Ceremony on the Occasion of the Delivery of Nuclear Fuel at the Akkuyu NPP]. Moscow, 27 April. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/71006> (accessed 12 July 2023) (in Russian).

Prokopenko A. (2023) How the Ukraine Grain Deal Went From Boon to Burden for the Kremlin. *Carnegie Politika*, 17 March. Available at: <https://carnegieendowment.org/politika/89307> (accessed 30 March 2023).

Reuters (2021) Turkish Minister Says U.S. Behind 2016 Failed Coup. *Reuters*, 4 February. Available at: <https://www.reuters.com/article/turkey-security-usa-int-idUSKBN2A41NF> (accessed 30 March 2023).

Reuters (2023) Erdogan Rival Accuses Russia of “Deep Fake” Campaign Ahead of Presidential Vote. *Reuters*, 12 May. Available at: <https://www.reuters.com/world/middle-east/erdogan-rival-accuses-russia-deep-fake-campaign-ahead-presidential-vote-2023-05-12/> (accessed 12 July 2023).

Ricciardone F., Stein A. (2016) Mitigating US-Turkish Disagreement over the PYD. Atlantic Council, 24 February. Available at: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/mitigating-us-turkish-disagreement-over-the-pyd> (accessed 12 July 2023).

Rüma İ., Çelikpala M. (2019) Russian and Turkish Foreign Policy Activism in the Syrian Theater. *Uluslararası İlişkiler*, vol. 16, no 2, pp. 65–84. Available at: <https://doi.org/10.33458/uidergisi.588930>

Sakwa R. (2019a) Russian Neo-Revisionism. *Russian Politics*, vol. 4, no 1, pp. 1–21. Available at: <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00401001>

Sakwa R. (2019b) The International System and Models of Global Order. *Russia in Global Affairs*, vol. 17, no 3, pp. 8–31. Available at: <http://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-3-8-31>

Sakwa R. (2023) Crisis of the International System and International Politics. *Russia in Global Affairs*, vol. 21, no 1, pp. 70–91. Available at: <http://doi.org/10.31278/1810-6374-2023-21-1-70-91>

Savchenko A.E., Zuenko I.Y. (2020) Dvizhushchiye sily rossiyskogo povorota na vostok [The Driving Forces of the Russian Turn to the East]. *Comparative Politics*, vol. 11, no 1, pp. 111–25. Available at: <http://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10009> (in Russian).

Shakleina T.A. (2022) Mirovoj porjadok v XXI veke: konsolidacija policentricnosti [World Order in the Twenty First Century: Consolidation of Polycentricity]. *Megatrends: Main trajectories of the evolution of world order in the 21st century* (T.A. Shakleina, A.A. Baikova (eds)). Moscow: Aspect Press (in Russian).

Snetkov A. (2012) When the Internal and External Collide: A Social Constructivist Reading of Russia's Security Policy. *Europe-Asia Studies*, vol. 64, no 3, pp. 521–42. Available at: <http://doi.org/10.1080/09668136.2012.661935>

Sputnik Türkiye (2022) Metropol anketi: Türkiye dış ilişkilerinde Rusya ve Çin'e öncelik vermelidir diyenler yüzde 39.4 [Metropol Survey: 39.4 Percent Say that Turkey Should Give Priority to Russia and China in Its Foreign Relations]. 22 January. Available at: <https://sputniknews.com.tr/20220122/metropol-anketi-turkiye-dis-iliskilerinde-rusya-ve-cine-oncelik-vermelidir-diyenler-yuzde-394-1053017774.html> (accessed 12 July 2023) (in Turkish).

Stempel J. (2020) Turkey's Halkbank Urges Dismissal of Iran Sanctions Criminal Case in U.S. *Reuters*, 18 September. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-turkey-halkbank-idUSKBN2692FF> (accessed 12 July 2023).

Teslova E. (2018) UN Security Council Unrepresentative: Russia's Lavrov. *Anadolu Agency*, 3 May. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/politics/un-security-council-unrepresentative-russias-lavrov/1134395> (accessed 30 March 2023).

Trenin D. (2020) Moscow's New Rules. Carnegie Endowment for International Peace. Available at: <https://carnegie-moscow.org/commentary/83208> (accessed 30 March 2023).

Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (2021) Constructing National Values: The Nationally Distinctive Turn in Russian IR Theory and Foreign Policy. *Foreign Policy Analysis*, vol. 17, issue 4. Available at: <https://doi.org/10.1093/fpa/orab022>

Uluş A. (2016) Darbenin arkasında ABD var: %79... [The US Is Behind the Coup: 79%...]. *HABERTURK*, 29 November. Available at: <https://www.haberturk.com/gundem/haber/1329969-darbenin-arkasinda-abd-var--79-ohal-hayatimi-degistirmedii--75> (accessed 12 July 2023) (in Turkish).

Wendt A. (1992) Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. *International Organization*, vol. 46, issue 2, pp. 391–425. Available at: <http://doi.org/10.1017/S0020818300027764>

Wendt A. (1994) Collective Identity Formation and the International State. *American Political Science Review*, vol. 88, issue 2, pp. 384–96. Available at: <http://doi.org/10.2307/2944711>